

«НАШ ИРАНСКИЙ ПРАВ».

САТИРА М.ДЖАМАЛЬ-ЗАДЭ

А.В. БОНДАРЕНКО
Кандидат филологических наук

Иранского писателя Мохаммада Али Джамаль-Задэ (1895-1997) бесспорно можно считать явлением в современной персидской литературе. Родившийся в набожной семье сейида* Джамаледдина Ваэза Эсфахани в городе Исфагане (который иранцы называют «Половиной Вселенной»), Джамаль-Задэ с детства впитал неповторимую культуру иранского народа. Но дарованные от природы наблюдательность и способность видеть вещи со стороны позволили ему выявлять те черты родной культуры, которые, как правило, скрыты для обывателя. В 13 лет Джамаль-Задэ отправился на учебу в Бейрут. В 27 лет уже в Берлине издал свой первый сборник коротких рассказов под названием «Кто-то был, кого-то не было».

Рассказы Джамаль-Задэ просты по композиции и языковым средствам, изобилуют пословицами и поговорками, пропитаны живым народным юмором, тонкой социальной сатирой и самоиронией. Примечательно, что Джамаль-Задэ всячески старался занять позицию стороннего наблюдателя и беспристрастно описывал нравы и черты характера земляков. Такая эстетическая «внезаходимость», по мнению многих критиков как в Иране, так и за рубежом, писателю с блеском удалась.

РАРИТЕТ

За свою долгую жизнь (умер писатель в Вене) литератор многократно становился свидетелем судьбоносных событий в жизни своей страны, всегда глубоко переживая успехи и неудачи иранского народа, до конца своих дней оставаясь истинным патриотом Ирана. Его произведения, проникнутые любовью к родному краю, любовью сына к матери, зеркально отражали как положительные качества, так и пороки иранского народа.

Среди обилия литературных трудов Джамаль-Задэ особое место занимает книга «Наш иранский нрав»¹. Тегеранское издание 1966 г., появившееся, казалось бы, в либеральные годы, вызывало неоднозначную оценку современников. В Иране работа попала под негласный цензурный запрет и фактически стала раритетом. Мне посчастливилось: я обладатель этого литературного шедевра.

...В 1963 г. журнал «Вопросы Ирана»** обратился к писателям и литературным критикам с предложением присылать в редакцию свои материалы на тему «Характер современного типичного иранца». Самой яркой по форме и глубокой по содержанию явилась работа Мохаммада Али Джамаль-Задэ «Наш иранский нрав», написанная им в Женеве и направленная в редакцию журнала годом позже, где и была издана отдельной книгой (1966 г.). Тогда же книга частями публиковалась в журнале «Занимательное чтение»².

Через год, по настоянию иранских спецслужб, разошедшиеся по библиотекам экземпляры книг и журналов были конфискованы. И лишь спустя 17 лет вновь

увидела свет сначала в Америке, а затем в Германии (1992 г.). В последние годы это произведение Джамаль-Задэ не переиздавалось, а в Иране давно стало библиографической редкостью. На русский язык книга не переводилась.

Цель статьи - попытаться столь ценный труд иранского классика сделать более доступным как рядовому читателю, так и профессиональным иранистам³. Не претендуя на всеохватывающий анализ произведения, постараемся выявить те положения автора, которые наиболее красноречиво характеризуют иранцев как этнокультурный типаж.

«ТАЙНЫЙ» ЗАМЫСЕЛ АВТОРА

Итак, Джамаль-Задэ понял задачу редакции посвоему, а именно: собрать высказывания предшественников - иранцев и иностранцев о нравах и особенностях иранского характера. Иными словами, писатель поставил отыскать исторические корни поведения современного иранца в различных житейских ситуациях.

Джамаль-Задэ разбил книгу на четыре части. *Первая* состоит из «Введения» и разделов: «Наши положительные качества», «Чем мы по характеру отличаемся от европейцев», «Изменились ли мы?», «Четыре манеры поведения», «Мнения и взгляды иностранцев относительно нас». *Вторую* часть автор посвятил высказываниям неевропейцев - арабов, турок, татар - о персах. В *третьей* части приводятся мнения современных европейцев об иранцах. Наконец, заключительная - *четвертая* часть - содержит высказывания самих иранцев о себе (завершает книгу раздел, посвященный литературной критике).

Свое исследование автор предваряет нравоучительными стихами Саади - одного из авторитетнейших поэтов Ирана, которого персы прозвали *Шейх-э Аджал* (Величайшим старцем)⁴. Осмелимся привести собственный вариант перевода с персидского:

*«Коль скоро зеркало покажет твой порок
Не разбивай его - от этого не будет прок
По мне тот доброту к тебе свою покажет
Кто на пути твоём на рытвину укажет
Всяк, что не услышит свои изъязы наперед
О собственных грехах не зная, проживет
Тому не говори что нету слаще меда
Кому слабительное в пору от недуга
От суностата слушай правду о себе коли для друга
Все, чтоб ни делал ты в глазах его - заслуга
Нету страшней напасти чем негодяю сахар дать*

* Сейид - почетный титул мусульман, возводящих свою родословную к пророку Мухаммеду. В средние века, в новое и новейшее время титул сейид нередко присваивали себе многие мусульмане разных социальных слоев, независимо от происхождения.

** Издавался в Тегеране во времена правления шаха Мохаммада Реза Пехлеви (1941-1979).

*Лишь только горькое лекарство дарует благодать
Как хорошо сказал тот продавец-аптекарь
Лекарство горькое - вот кто твой лучший лекарь».*

В «Введении» Джамаль-Задэ признает, что «современный иранец по многим признакам, особенно по своим нравам, не слишком отличается от вчерашнего и позавчерашнего иранца» (с. 10 - *здесь и далее страницы указаны по упомянутой книге* «Наш иранский нрав»). Свое повествование автор начинает с перечисления положительных качеств иранцев. Почти все иностранцы, кому доводилось общаться с иранцами, отмечают в них такие качества, как природный ум, смекалка, чувственность, наличие вкуса, обходительность, поэтическая натура, предусмотрительность, благовопитанность, гостеприимность, щедрость и благородство. А сельские жители (большинство населения того времени) - трудолюбивые, непритворливые, преданные, со здоровым нутром, набожные. Джамаль-Задэ к положительным чертам соотечественников относит особую тягу иранцев к учению и знанию. Об этом свидетельствуют популярность «Корпуса просвещения»⁵ и успехи иранских студентов за рубежом. Стремление иранцев к истине в Древнем Иране отмечал еще Геродот.

«А ТАКИЕ ЛИ МЫ ХОРОШИЕ?»

В первой части книги, в разделе «Чем мы по характеру отличаемся от других», Джамаль-Задэ указывает на преобладание негативных черт в характере иранцев над положительными. Лишь небольшой отрывок посвящен заслугам персов и недостаткам иностранцев. Автор прибегает к анализу письменных источников и приходит к выводу: «Из сотен книг и тысяч статей о характере нашем и наших отцов огромное число вопросов касалось и хорошего, и плохого. К сожалению, мы вынуждены признать, что плохое, как правило, затмевает хорошее...»

Далее Джамаль-Задэ пишет: «...Очевидно, любой народ обладает нравами и стереотипами поведения, которые могут для своих казаться приличными и приемлемыми, в то время как для других народов отвратительными и порицаемыми. Например, разве виноваты мы, иранцы, - говорит писатель, - в том, что европейцы переводят дословно наши самые расхожие этикетные формы обращения, такие как «душа моя», «дорогой мой», «да паду я жертвой ради тебя», «да стану я милостыней твоей», «да паду я мучеником за тебя». Эти фразы - лишь дань этикету и, не имея самостоятельного смысла и значения, вызывают у европейцев удивление и насмешку.

Иранец вместо «Вы» из уважения говорит «начальник», «большой начальник», «высокий господин», «высокий восхитительный господин» или «святая жертва». Вместо «я» для самоуничижения и возвышения собеседника говорит «раб», «жертвенный», «просящий», «безразмерная частица», «пыль» и т.д. Вместо «иди» иранец говорит «соблаговолите», вместо «подойди» пишет «принесите честь». Разве можно считать эти обычаи и традиции, исполненные вежливости и учтивости, смешными и достойными порицания?

Сами европейцы в давние времена тоже так говорили, но с течением лет облегчили себе работу, упростив речь. Возможно, и мы когда-нибудь вступим на эту же дорогу... Но нам не следует идти на поводу у других и считать, что мы совершаем нечто ужасное, когда говорим «к глазу» вместо «согласен» или вместо европейского «мерси» - «целую Вашу руку». Европейцы при встрече жмут друг другу руки, а мы говорим «мир Вам», и в ответ слышим «и Вам мир».

Надо признать, что в условиях жаркого иранского климата лучше поприветствовать друг друга словом, а не рукопожатием. Европейцы уважительно снимают головной убор, а если мы снимем традиционный голо-

вной убор перед старшим, то это будет расценено как неуважение. Иранцы почти всегда обращаются к отцу на «Вы», а европейцы на «ты». Можно ли это считать их преимуществом над нами?» (с. 19).

Джамаль-Задэ комментирует отрывок из знаменитой книги англичанина Джеймса Морьера «Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана»⁶, которую причисляют к мировым литературным шедеврам наравне с «Тысячью и одной ночью» и «Похождениями Жиль Бласа из Сантьяны» и которая содержит, как считает писатель, наилучшее описание национального характера иранцев: «Поведение и поступки европейцев точь-в-точь противоположны нашим - иранцев - поведению и поступкам... Европейцы вместо того, чтобы брить голову и отпускать бороду, бреют бороду. Но голова настолько пышна волосами, что как будто дали зарок к ним не притрагиваться. Европейцы садятся на скамью, а мы на ковер или на землю. Европейцы едят ножом и вилкой, а мы руками. Они постоянно в движении, а мы пребываем в покое. Они носят тесную одежду, а мы свободную. Они не молятся, а мы молимся по пять раз на день. У нас выбор за мужчиной, у них за женщиной... Они считают вино дозволенным и пьют мало. Мы же запрещаем вино, но пьем много. Но то, что очевидно и отрицать невозможно - европейцы самые скверные и грязные люди земли, потому что едят любых животных» (с. 21).

О ВЗЯТКЕ «ПО-ИРАНСКИ»

Джамаль-Задэ пишет: «Дары, подношения и масло, которым смазывают усы (т.е. задабривают. - А.Б.), и даже взятка, без которой простому люду не решить свои многочисленные проблемы, а дела застопорятся, чрезвычайно полезны. Именно поэтому взятка стала частью наших обычаев и традиций и даже воспринимается как обязательная к оплате пошлина. Все иранцы знают, сколько и как давать, способы ее использования - так же, как основы и детали вероучения.

Знания эти передаются из уст в уста от отцов к детям, от предков к потомкам. Каждый при необходимости прибегает к ней и действует строго в соответствии с ее условиями, подобно тому, как привязывают ленту на могиле святого в надежде на исполнение просьбы, желания или несут свечку к мавзолею потомка имама либо часовне. В общем, налоги и неофициальные сборы обрели закон тех денег, которые католические христиане по воскресеньям в качестве милостыни, благотворительного дела и доли священнику и церкви опускают в шумный нищенский сосуд.

С другой стороны, то, что мы называли «взяткой», до тех пор, пока зарплата и доходы значительной группы наших госслужащих не будут обеспечивать их прожиточный минимум, воду и хлеб для них самих и их жен и детей, в действительности будет чем-то вроде благотворительности или пожертвованием, можно даже сказать, разновидностью всеобщего социального страхования» (с. 21-22).

«ИЗМЕНИЛИСЬ ЛИ МЫ?»

«Мы, сегодняшние иранцы, должны трезво оценить свои плюсы и минусы, - считает Джамаль-Задэ. - Ведь даже во времена Фатх-Али-шаха⁷ один из европейцев по имени сэр Джон Мальком, который хорошо знал нас и нашу страну и даже был первым, кто написал полную и научную историю нашего государства, в тот же период времени писал в путевых заметках о нашей стране: «В Иране вы не встретите нищих людей, и надо признать, что среди всех стран, в которых мне удалось побывать, в Иране меньше всего попрошаек». Сегодня же эти слова вызывают удивление и, возможно, не лишены преувеличения. Как бы то ни было, мы должны

ответить себе на вопрос: как случилось, что мы, иранцы, всегда считавшие себя сообразительными, смысленными, мудрыми и думали, что ухватили Бога за бороду, в глазах европейцев предстаем тем народом, где больше всего голодных и попрошаек. Разве дело не в том, что мы этими неверными словами тешили свое самлюбие и за импортные товары все свое нажитое переложили в карманы и кошельки тех же европейцев, которые, как мы считаем, простодушные, бестолковые и доверчивые олухи. Конечно, может, среди нас найдется какой-нибудь Хаджи Абдолгана⁸, который в одной частной сделке надул своего европейского партнера (*букв. околпачил. - А.В.*). Но в итоге в дураках остались мы - из-за глупости и неуместной гордыни. Да и сейчас, пока мы будем оставаться слабохарактерными тупицами, весь мир таковыми нас и будет считать и не только продолжит доить нас, но и, как говорится, будут склонять повсюду» (с. 23-24).

ЧЕТЫРЕ СТОЛПА НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

По Джамаль-Задэ, четырем столпам национального характера, реагирующего на «несправедливые» оценки, становятся: 1) «притвориться несведущим», 2) «все отрицать», 3) «ответить тем же» и 4) «глубокомыслие». Джамаль-Задэ критикует первые три, считая их бесполезными, и прославляет силу разума.

«Ведем себя так, как будто не знаем и не хотим знать, что о нас говорили и говорят. И по сей день лишь приговариваем: «Ответ дураков - молчание». Пускай в одно ухо влетает, в другое вылетает, а крылатая фраза «всех хоть потоп унесет - меня унесет ко сну» станет притчей во языцех» (с. 28). Вторым столпом национального характера Джамаль-Задэ считает *отрицание*. «То есть уходим в отказ и говорим, что все сказанное от начала до конца - неправда» (с. 29).

Еще одну особенность отмечает автор - *реванизм* иранцев. «Отплатим по заслугам! Что в дружеских беседах, что на официальных переговорах, что в письменах - всюду рассчитаемся по счетам. В книгах, статьях, в газетах все их злодеяния выведем на чистую воду и (справедливо или нет) дадим волю языку и перу и выложим в отместку о них всю правду-матушку» (с. 29).

Автор особо подчеркивает неготовность иранцев признавать свои ошибки: «Если вы отрицаете наличие коррупции и вранья, то почему столь известная газета - «Известия» (1963, № 24) пишет: «Вы видели, и если не видели, то наверняка слышали, что Дарий Великий на своей золотой доске взмолился, чтобы Господь уберечь эту страну ото лжи!» Непонятно, что такого непростой сделал тот покойный, представ перед Всевышним, что его молитва была истолкована с точностью наоборот, и Господь обрушил самую страшную напасть из всех существующих на его народ - *Ложь*! Здороваемся мы друг с другом лживо и искусственно, ложные герои, ложная любовь, ложный заработок, ложная торговля, липовая бухгалтерия, все ложь, сплошная ложь. Мы - народ - говорим неправду своему правительству, оно же в свою очередь вынуждено лгать нам».

Возможно, нам надо признать, что не бывает дыма без огня. Возможно, появятся такие наши сограждане, которые скажут: лучше всем этим любопытным бездельникам иностранцам не позволять, подобно теленку Хаджи Мирзы Агаси⁹ приезжать к нам в страну, разгуливать и совать свой нос куда ни попадая, тарашить на нас глаза и писать о нас все, что им ни вздумается» (с. 34-35).

Другой нехорошей чертой характера своих соотечественников Джамаль-Задэ называет *самодовольство* и приводит слова знаменитого иранского поэта Хафиза (ок. 1325 - 1389/90): «Самодовольство, душа моя, есть доказательство невежества». Автор поясняет, что «иногда один какой-то изъян затмевает все добродете-

ли, а люди, подмечая лишь этот изъян, не видят прочих достоинств и не хотят видеть. Сам Саади говорил: «Солнце столь великое затмевает тучи пятнышко» (с. 41). Джамаль-Задэ утверждает, что *самодовольство* и *самолюбование* - настоящий бич иранского характера и еще раз подчеркивает нежелание самих иранцев признавать за собой подобный изъян (с. 49).

АРАБЫ, ТУРКИ, ТАТАРЫ ОБ ИРАНЦАХ

Во второй части книги приводятся мнения иноземцев - греков, римлян, арабов, турок, татар, современных европейцев и самих иранцев. Джамаль-Задэ группирует их в следующем порядке:

1. Геродот (отец истории) и Плот (римский поэт II в. до н. э.) адресует хвалебные слова иранцам. Ами Ен Марселин (римский историк IV в. н. э.) указывает на хвастовство, жестокость и сибаритство.

2. Мутанаббид (знаменитый арабский поэт¹⁰) весьма не лестно высказывается об иранцах, как и татарский хан Газы Герай¹¹.

3. Путешественники, востоковеды, историки, военные советники и писатели разных веков. Помимо Дж.Мориера, среди них Ибн Хальдун, Гёте, Эдвард Браун, сэр Джон Мальком, Жан Шарден, Генри Роулинсон и др. Все они в один голос указывали на изъяны в характере иранцев, такие как лживость, лицемерие, подхалимаж, конспирация, самодовольство, склонность к обману, привычка быть угнетенными и насилие в отношении других, невежество и предрасудки, отсутствие духа изысканий и саморазвития, трусость и т.д. Некоторые, однако, ссылаются на добрые качества персов: ум, красноречие, благородство, доброта, воспитанность и выдержка.

4. Иранцы первых веков распространения ислама - переводчик Абдолла бен Мокаффа (Рузбех), поэт Вахши Бафки и др., в период правления династии Каджаров - математик, поэт и теолог Седехи Эсфахани, политик и литературовед Каэм-магам Фарахани и др. Все они критически высказывались о национальном характере своих сородичей.

Начнем с одного из наиболее авторитетных арабских поэтов - Мутанаббид. Джамаль-Задэ приводит оригинал арабского стиха и разъясняет его на персидском: «Нет у них воспитания, нет и достоинства. Не держат слово и не признают договора, и нет трепета перед злом. На какую бы землю моя нога ни ступала, я находил там их племена, которые, подобно стаду баранов, паслись под чьим-то началом. А у предводителя ногти такие, что карандаши можно точить. Но как только рука его касается шкуры хорька, говорит: противно» (с. 70).

Джамаль-Задэ приводит также весьма пространное высказывание турка Роушани Бейка, которое под заголовком «Мнения османцев об иранцах» еще в 1920-х гг. было опубликовано в журнале «Ираншахр»¹², издававшемся в Берлине: «...Персидский народ ослабил порок под названием показная набожность. Ахунды¹³ стали самым деспотичным и самым мощным оружием персов... Курево, опиум и прочие снотворные яды превратили народ этой страны в ходячий череп и скелет. Трехлетние девочки ходят в чадрах и шароварах, а в возрасте 8 лет выходят замуж за сорокалетних мужчин. Но прежде чем стать замужней женой, получают развод от нескольких предыдущих мужей, так что, в конце концов, в возрасте 20-25 лет курят опиум и отправляются на тот свет...»

В Тегеране проживает 200 тыс. человек, и, согласно статистике зарубежных врачей и врачей местных больниц, только в Тегеране до 30 тыс. человек больны сифилисом, а половина города является носителями инфекционных болезней и болезней от разврата. Персы чрезвычайно лживые и вороватые. Воруют все: отец у

сына, сын у отца, жена у мужа. И даже тот американец, которого присылали в Иран проводить реформы финансовой системы, в интервью одному американскому журналисту заявил: «Страна, в которой 10 млн воров, каким образом может быть реформирована?» (с. 70-71).

Не исключено, что подобная негативная характеристика персов «турецкоподданным», коим и являлся Р.Бейк, не лишена предвзятости¹⁴. Но, опять же, как говорится, нет дыма без огня...

А ЧТО ДУМАЮТ ЕВРОПЕЙЦЫ?

Приведем мнение уже упомянутого выше Дж.Мориера. Джамаль-Задэ приводит следующее высказывание из его книги «Путевые заметки. Путешествие первое: Через Иран, Армению и Малую Азию в Константинополь в 1808, 1809 и др. гг.»¹⁵, описывающей нравы иранцев во времена правления Фатх-Али-шаха: «Иранцы, сколько у тебя хватит терпения, будут биться об заклад, что, если в их присутствии ты будешь расхваливать коня, пашню, жилище или что-либо иное, все будут приписывать собственным заслугам...» Дж.Мориер пишет: «Иранцы переполнены бахвальством и кичливостью. И, наверное, никто во всем мире сравниться с ними не в силах по степени внимания к своей собственной персоне» (с. 73-74).

Джамаль-Задэ приводит точку зрения французского путешественника Жана Шардена¹⁶: «Иранцы больше всего прочего обожают жизнь и благоденствие, былым духом война уже не обладают и единственное, что понимают в этом мире, так это - праздность и загулы. Им даже в голову не приходит, что увеселения и отдых добываются в упорном и опасном труде. Их занятие - многословие, заклады, клятвы и лживые обеты: ради скудной прибыли готовы лжесвидетельствовать. Когда же берут займы деньги или что другое, не жди возврата. Дай только слабинку - и они околпачат и своего, и чужого и повернут с ним аферу. В службе не искренние, а в обращении не знают порядка. И настолько во лжи и обмане поднаторели, что не попасть в их сети невозможно» (с. 89).

Англичанин Генри Роулинсон¹⁷, в свою очередь, также неслестно отзываясь о характере персов: «Предыдущие поколения иранцев ничего не сделали для прогресса науки и знания. Ни духа, ни таланта у этого народа нет, чтобы заниматься научными изысканиями, требующими терпения и усидчивости и кропотливой работы ради достижения научного прогресса. Иранцы нутром своим - народ легкий, игривый, беспечный и сладострастный. Для этого они и были созданы, а все научные вопросы со всей откровенностью перепоручали трудолюбивым и усидчивым вавилонянам, глубокомысленным и полным достоинств грекам...

Иранцы от начала до конца своего государства и величия не проявляли и малейшего рвения к образованию, полагая, что для подтверждения своего морального превосходства им будет достаточно демонстрации дворца в Сузах¹⁸, дворцового комплекса в Персеполе¹⁹, мощи государственного аппарата и мировой гегемонии» (с. 81-82).

Джамаль-Задэ снова апеллирует к Дж.Мориеру: «Джеймс Мориер... написал многое о нас, и вряд ли найдется кто-то, кто мог бы сравниться с ним в красноречивости на эту тему. Сам он во введении к «Хаджи-Бабе» отмечает: «Ну, сейчас иранцы точно скажут: этот европеец вскрыл нашу подноготную»... В одном из своих суждений он действительно «вскрывает нашу подноготную», в другом - нас хвалит: «Готовность иранцев перенимать и принимать обычаи и традиции, способ мышления и размышления других народов, легкость в подражании и потребность в других нациях подтверждают убеждения тех, кто считает, будь иранцы, как и турки, ближе к Европе, и имей они такие же отноше-

ния и связи с европейцами, которые имеют турки, вне всяких сомнений, вскоре стали бы вровень с европейцами как в военных, так и в мирных делах и, как результат, играли бы куда большую роль в европейской политике» (с. 89, 90-91).

«ОХ УЖ ЭТИ ИРАНЦЫ!»

Третью часть своего исследования Джамаль-Задэ резюмирует откровениями немки по поводу иранцев, которые вышли в новогоднем номере журнала «Кавэ» (ФРГ, Мюнхен, 1964). Дороти Алутер по роду деятельности имела большой опыт общения с персами, жившими в Германии, и делилась своими впечатлениями. Джамаль-Задэ полагает, что мнение иностранки может быть применимо в отношении некоторых молодых иранцев, проживающих и в других странах: «У меня с давних пор огромный интерес к вашей стране и иранцам. Такое отношение объясняется моей искренней заинтересованностью в познании Ирана, его древней цивилизации и литературы (переводы которой нам доступны). Кроме того, я пропиталась глубоким уважением к некоторым мужчинам и женщинам иранского происхождения, с которыми мне пришлось познакомиться в последнее время. Меня расстраивает только то, что время от времени я слышу: ох уж эти иранцы! Особенно, с оттенком недовольства в голосе. К сожалению, нельзя сказать, что иранцы в Германии пользуются особой любовью, что не может меня не огорчать. Я спрашивала других людей и себя, почему люди так часто вдруг показывают свое отвращение к иранцам... Я преподаю немецкий язык в одной из вечерних школ и общаюсь с молодыми иранцами, приезжающими в Германию. Имею возможность пристально наблюдать за ними в течение нескольких месяцев. Я не хочу по нескольким делать вывод обо всех, но все же какие-то типические черты вырисовываются...

Иранская молодежь в большинстве своем из-за своего безответственного поведения привлекает к себе внимание... Иранские студенты не проявляют должного рвения в учебе, которое ожидается от иностранных студентов... В учебе им не хватает дисциплины... В Германии невозможно достичь успеха, полагаясь исключительно на сообразительность. Но что меня особенно поражает, так это отсутствие у них знаний о прошлом своей страны. Знаний своей культуры, литературы, истории, а также родного языка и, к сожалению, исламской религии. Когда немец с самым общим багажом знаний встречается с иранцем, то желает поговорить с ним об исламе, Персеполе, Фердоуси и миниатюре. Однако человек, имея дело со многими выпускниками иранской средней школы, наталкивается на пустоту и понимает, что сам знает много больше... Почему молодые иранцы должны проявлять во сто крат больший интерес к витринам наших магазинов и праздной жизни, а не к искусству, музыке, литературе и иным духовным ценностям? Но должна вам признаться, что сама встречала иранцев, воспитанных и благородных, иранцев добросердечных, снисходительных, сообразительных, правильных, чрезвычайно пунктуальных и обстоятельных... Я ради таких иранцев и доброго имени иранцев написала это письмо в надежде на то, что что-то можно сделать, чтобы иранцы стали у нас уважаемыми и почитаемыми» (с. 133-135).

А ЧТО ГОВОРЯТ ЗЕМЛЯКИ?

Заключительная, четвертая часть книги Джамаль-Задэ посвящена высказываниям самих иранцев о себе. «Оставим в стороне европейцев, турок, татар и арабов, - пишет он. - Что говорить - сами иранцы зачастую высказываются о своих сородичах. Мы намерены привести в качестве примеров ряд таких высказыва-

ний. Сразу же взываем к Всевышнему с просьбой простить нам грехи, коли какие совершим! Абдолла бен Мокаффа²⁰ о достоинствах иранцев в давние времена пишет следующее: «Они не отдавали своих дочерей иноземцам и дочерей иноземцев в жены не брали. Со всеми были хлебосольны, но сами хлеба не вкушали, будучи в гостях. Если хотели сделать кому добро, то ни с кем не совещались, а коли обещали что, то слово свое держали. Коль скоро кого-то одаривали дарами и ласкою, то год от года не оставляют его без внимания. Грешников преследуют только после того, как гнев их (иранцев) утихнет» (с. 136).

На фоне восхваления соотечественников звучат и порицания. Так, например, в иранском журнале «Алая заря» (1932, № 6) Джамаль-Задэ находит статью, в которой некий автор по имени Намвар довольно нелестным образом отзывается об иранцах, и привел следующую выдержку из нее: «Попирая принципы, ради задабривания того, в ком нуждаются и считают выше себя, то и дело приговаривают: «Да, мой господин! Да, мой господин!» или «Правильно. Правильно», забывая о собственном мнении. Сегодня одно расхваливают, завтра то же самое охаивают, а в деле преувеличения хвалы и обходительности доходят до таких высот, что у собеседника вырастают ангельские крылья. И лишь спустя мгновение, не помня своих предыдущих слов, называют все того же собеседника статуей порока и заместителем дьявола... С другой стороны, чем ближе к центру, тем дальше от обители правды, искренности, воспитания и человечности, но ближе к пороку и разврату, пока не доберетесь до центра города - улицы Лалезар. И вокруг себя увидите лишь группу бесстыжих развратников, опустившихся пьяниц, калек и беспомощных» (с. 148-149).

* * *

Таким весьма противоречивым предстает перед читателем иранский культурный типаж того времени. Джамаль-Задэ приходит к заключению, что причины отсталости Ирана и иранцев от прогрессивных стран мира кроются как раз в этих самых национально-психологических особенностях. И если не признавать их наличие и не обсуждать открыто, излечить их невозможно. Усилие, предпринятое Джамаль-Задэ, выходит далеко за рамки обращения журнала «Вопросы Ирана». Подобно любому глубокомысленному деятелю своей эпохи, Джамаль-Задэ изучил вопрос досконально, на деле осуществив комплексное этнографическое исследование.

Что в нем правда, а что не соответствует современной действительности, судить вам, уважаемый читатель.

¹ См.: Джамаль-Задэ М.А. Наш иранский нрав (на перс. яз.). Тегеран, 1966.

² Один из старейших иранских журналов (перс. «Ханданиха»), издававшийся в Тегеране с 1940 г. вплоть до казни его владельца и главного редактора Али Асгара Амирани в 1979 г. после победы в Иране исламской революции.

³ Вкратце мы уже касались этого произведения Джамаль-Задэ в контексте изучения иранской смеховой культуры. См.: Бондаренко А.В. Теория и практика народно-смеховой культуры на материале современного персидского языка. М., Воен. ун-т, 2008, с. 22.

⁴ Саади (Муслихаддин Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мушрифаддин, ок. 1118-1291) - персидский поэт-моралист, один из столпов мудрости и литературной классики Ирана, представитель практического, житейского суфизма. Известен стихотворными и прозаическими трактатами «Бустан» («Плодовый сад») и «Голестан» («Розовый сад»).

⁵ Полувоенная организация времен шаха Мохаммада Резы Пехлеви, состоявшая из молодых людей, призванных в армию, и занимавшаяся вопросами просвещения.

⁶ *Мориер Дж.* Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана /под ред. М.А.Джамаль-Задэ. Тегеран, Напр-э Маркяз, 2005. У «Похождений Хаджи-Бабы из Исфагана» удивительная судьба. Этот авантурный роман о головокружительной дипломатической карьере плута и пройдохи бродячего Хаджи-Бабы был написан в 1824 г. Дж.Мориером, потомственным английским дипломатом и знатоком Востока, прожившим в Персии около 10 лет, и блестяще переведен на русский язык одним из основателей востоковедения в России, современником Пушкина, Осипом Сенковским - знаменитым Бароном Брамбеусом.

⁷ Фатх-Али-шах - шах Ирана из династии Каджаров, правивший в 1797-1834 гг. *Каджары* (в России - принцы Персидские) - тюркская династия, правившая Ираном с 1781 по 1925 гг. Основана Ага-Мухаммед-ханом Каджаром, предводителем тюркского племени каджаров, объединившим Иран со столицей в Тегеране.

⁸ Джамаль-Задэ, думается, неслучайно выбрал это имя, поскольку в переводе с арабского оно буквально означает - паломник, совершивший хадж к святым местам, и... раб роскоши и богатства. Перед нами - оксюморон в имени собственном - образ типичного *пройдохи*.

⁹ *Хадж Мирза Агаси* - великий визирь в период правления династии Каджаров. Поговаривают, что у вельможи был любимец - теленок, которому, несмотря на протесты людей, было дозволено бродить где угодно и делать что угодно. Теленок бродил по улицам города и, поскольку отличался неумным аппетитом, опустошал продуктовые лавки одну за другой, и никто не смел тому воспротивиться. Такое положение дел продолжалось до тех пор, пока терпение горожан не лопнуло, и теленка тайком порешили.

¹⁰ *Аль-Мутанабби* (Абу-т-Тайиб Ахмад ибн аль-Хусейн; 915-965) - арабский поэт. Считается одним из самых выдающихся поэтов, когда-либо писавших на арабском языке.

¹¹ *Газы II Герай Бура (Борб)* (крым. II Gazi Geray; 1551-1607) - хан Крыма в 1588-1607 гг. Во время иранского похода Газы Герай попал в плен и 7 лет провел в заточении в персидской крепости, откуда совершил дерзкий побег в Турцию.

¹² «*Иранишахр*» (перс. «Иранский город»). Журнал издавался Хо-

сейном Казэм-Задэ (которого впоследствии самого называли *Иранишахром*) с 1922 по 1927 гг. в Берлине и распространялся без малого в 40 городах Ирана.

¹³ *Ахунд* - духовное лицо в исламе, сведущее в вопросах шариата (мусульманского права) и растолковывающее его нормы простому люду. Традиционно в Иране среди обывателей распространено негативное отношение к этой части духовенства (ср. с местом и ролью священников в русской культуре). Ахунды становятся объектом насмешек, темой для анекдотов, о них сочиняются пословицы и поговорки, напр.: *ахунд шодан че асан - адам шодан че мошкель* (досл. - ахундом стать как легко - человеком стать как трудно!). Данная культура проникла и в расхожую фразеологию, напр.: *ахунд-бази дар авордан* (досл. выдавать игру в ахунда), т. е. прибегать ко всякого рода ухищрениям со ссылкой на нормы шариата.

¹⁴ В XI в. Иран был захвачен турками, а позже сельджуками, монголами Чингисхана, армией Тамерлана и туркменами, пробывшими в Иране дольше других - до 1502 г. Естественно, что в персидском обществе на уровне массового сознания глубоко засела обида на турок, которые и в современном Иране составляют чуть ли не половину населения. В глазах «усредненного» перса турок - это суровый, жестокий, властолюбивый человек, с консервативными семейными взглядами и богобоязненный. В народе говорят на арабский манер: *утрук ут-турук валяу кана абук* (досл. беги от турка, даже если он придется тебе отцом), ср. беги от турка, как черт от ладана. Или: *такси-раш нист - педараш торкаст* (досл.: невиноват он, отец его - турок), или: *ходара шокр ке нашоам торк* (досл.: слава Богу, что турком не стал).

¹⁵ См.: *Мориер Дж.* Путевые заметки. Путешествие первое: Через Иран, Армению и Малую Азию в Константинополь в 1808, 1809 и др. гг. /пер. Абулькасэм Сэрри. Тегеран, Тус, 2007.

¹⁶ *Жан Шарден* (Jean Chardin, 1643-1713) - известный французский путешественник. Сын ювелира, Шарден отправился в 1665 г. в Азию для покупки бриллиантов. Он быстро научился персидскому языку и долго жил в Исфагане, изучая Персию, ее управление, военное дело, нравы, памятники. Художник Грело, которого он привез с собой, воспроизводил костюмы, памятники, развалины Персеполиса. В 1670 г. Шарден вернулся во Францию с богатыми коллекциями.

¹⁷ *Генри Кресвик Роулинсон* (Henry Creswicke Rawlinson, 1810-1895) - британский археолог, ассириолог, лингвист и дипломат. Получил известность как дешифровщик персидской клинописи.

¹⁸ *Сузы* - один из самых древних городов мира, основанный, по оценкам, около IV тыс. до н. э., первые следы обитания датируются VII тыс. до н. э. Сузы лежали в долине между притоками Тигра - Хопспом и Эвлеем. В V веке до н. э. резиденция первоначально эламских, затем персидских царей (Ахеменидов). Древний дворец был построен на искусственном холме. Дарий I нашел его слишком тесным для себя и перестроил по своему вкусу; при Артаксерксе I он сгорел, а лет сто спустя, при Артаксерксе II, отстроен заново.

¹⁹ *Персеполь* - древнеперсидский город, возникший в VI-V вв. до н. э., столица огромной империи Ахеменидов.

²⁰ *Абдолла бен Мокаффа* - один из наиболее знаменитых переводчиков VIII в., иранец, перешедший из зороастризма в ислам.